

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ В СОХРАНЕНИИ САКРАЛЬНОГО СМЫСЛА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ПЕТРУХИНА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

PETRUKHINA, Yelena Vasil'yevna: The role of word-building formants in preserving the sacred meaning of Church Slavonicisms in Russian. *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 2018, Vol. 69, No 3, pp. 512 – 526.

Abstract: The author of the article applies synchronic and diachronic approach to describe consistent patterns in Russian word formation, when the facts in contemporary Russian are explained with due regard to the history of their development and formation. The research focuses on commonly used derivatives of the Church Slavic, which have not lost their sacred meaning despite the general secularization beyond religious discourse of evangetic lexis in Russian (as well as in other Slavic languages). The preservation of the sacred meaning is influenced by a specific process of differentiation between the sacred and the secular by means of word-building formants in cognate synonyms (for example, *Рождество* [‘Christmas’]/*рождение* [‘birth’]; *житие* [‘the life (of a saint)’]/*житье* [‘ordinary life’]; *Воскресение* [‘Resurrection’]/*воскресенье* [‘Sunday’]; *искупить* [‘to redeem’], *Искупитель* [‘the Redeemer’]/*выкупить* [‘to buy out’] etc.). The last section of the article considers the process of semantic specification in diachrony of originally synonymic cognate derivatives like *живот* [‘belly’], *житие* [‘the life (of a saint)’], *жизнь* [‘life’], which has led to a complete change of the semantics of the lexeme *живот* [‘belly’] (a gradual strengthening of its physical component has led to the modern meaning ‘belly, part of body’) and the prevalence of the word *жизнь* (with its Old Slavonic suffix *-нь*). The latter, having absorbed the “life-related” semantic of lexemes *живот* ‘belly’ and *житие* ‘the life (of a saint)’, expresses all aspects of its understanding and interpretation by the contemporary language community. The author assumes that this process could also have been influenced by the general correlation between the Church Slavonicisms (both elevated and general denominations) and native Russian words (both concrete and ordinary denominations) in Russian. Word-building formants play a significant role in the differentiation of the sacred and the secular (and preserving the sacred) when the religious lexicon of the Church Slavonic origin enters the modern Russian language.

Key words: Russian, word-formation, Church Slavonicisms, desacralization, synchronic and diachronic approach

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН\18 „Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал“.

1. ВВЕДЕНИЕ

Поиск новых путей изучения славянского словообразования, представленный во многих коллективных публикациях Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, отражает тенденции развития лингвистики в XXI веке. Он ведется в когнитивно-коммуникативном направлении, а также в русле объяснительной лингвистической концепции, направленной на выявление словообразовательной динамики. Данная концепция предполагает преодоление в деривационных исследованиях разрыва между синхронным и историческим словообразованием, которые изучаются, как правило, изолированно друг от друга. Еще Григорий Осипович Винокур писал, что «требование различать морфологию и этимологию, то есть анализировать строение слова с точки зрения тех соотношений, которые раскрываются между морфемами в пределах данной языковой системы, независимо от генезиса отдельных звуков и их сочетаний, составляющих слово как звуковую форму, **уже давно стало общим местом лингвистической литературы**» (выделено нами – Е. В. П.). При этом он отмечал, что, «признавая силу этого требования в теории, ученые до сих пор плохо считаются с ним в практической работе» (Винокур, 1959, с. 420).

Клара Бузашиова в серии публикаций и в коллективной монографии 1989 г. (1999, 2000; 2003; Horecký – Buzássyová – Bosák et al., 1989) предлагает пути решения данного противоречия, обосновывая возможность диахронической проекции в синхронию (и обратно), позволяющую изучать изменения в словообразовании за определенный период (например, 30 – 50 лет). Временной отрезок в несколько десятилетий позволяет выявить и описать динамику словообразования, которая в словацком языке, как было продемонстрировано в упомянутых выше публикациях К. Бузашиовой, проявляется в конкуренции, вариативности, семантической и стилистической дифференциации сосуществующих словообразовательных единиц, одни из которых активизируются, другие уступают. Динамические процессы в словообразовательной системе в работах К. Бузашиовой исследуются не только как актуальные в определенный временной момент, т. е. как синхронные, но и как проявления диахронной динамики, как тенденции развития словообразовательных категорий, моделей, формантов и системы в целом (Buzássyová, 2000). Отмечается, что словацкий язык за последние 50 лет претерпел значительные изменения в области коммуникативных функций. Это вызвало существенные сдвиги в его словообразовательной системе, изучение которых в обозначенный период позволяет сделать выводы о действующих устойчивых тенденциях в словообразовании и моделях номинации (Buzássyová, 1999). Поэтому изучение деривационных процессов в ближней диахронии открывает новые перспективы исследования и межславянского сопоставления словообразовательных категорий и единиц в истории, актуальные для современных языков.

Такой подход к разрешению противоречия между синхронным и диахроническим словообразованием, проявляющегося прежде всего в отсутствии связи между ними, представлен в работах Игоря Степановича Улуханова – в его концепции объяснительного синхронно-диахронического описания русского языка (Улуханов, 2005), когда изучение и интерпретация синхронных связей и отношений между языковыми явлениями проводится с учетом исторических процессов, в частности данных о происхождении формантов и моделей. «Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» (там же, с. 18 – 19). Кроме того, проявлением синхронно-диахронического описания словообразования является также историческая интерпретация современных языковых фактов, в частности «ослабления или разрыва связи между явлениями, например, между диахронически однокоренными, но синхронно слабо связанными словами, составляющими большую зону «полумотивированных» слов» (там же, с. 19). В современных словообразовательных словарях они интерпретируются как неродственные, хотя носитель русского языка ощущает их исторические однокоренные связи. О таких словах речь идет в (Камчатнов, 2013), например: *благодарить* и *благо*, *дар*; *благоухать* и *благо*, *нюхать*; *брак* и *брать*; *жестокый* и *жесткий*, *жесть*; *заимствовать* и *иметь*; *исследовать* и *след*; *истребить* и *терebить*; *мгновение* и *миг*; *мятеж* и *смятение*, *смута*; *небрежный* и *бережный*, *беречь*; *неделя* и *делать*; *нежный* и *нега*; *незыблемый* и *зыбкий*; *непосредственный* и *середина*, *средний*; *нечаянный* и *чаять*; *отвратить* и *вращать*; *отобразить* и *образ*; *отчетливый* и *четкий*; *правда* и *правый*; *прекратить* и *краткий/короткий*; *пригласить* и *глас/голос*; *проповедь* и *ведать*; *согласный* и *глас/голос*; *сообразить* и *образ*; *соревнование* и *ревность*.

Среди приведенных «полумотивированных» слов много церковнославянского² происхождения, отличающихся по своей форме и значению от исконно русских соответствий: *небрежный* – (не)бережный; *истребить* и *терebить*; *влачить* – *волочить* и др. Примеры парных слов, существующих в современном русском языке, одно из которых по своему происхождению церковносла-

---

² В русской лингвистической традиции различают старославянский язык (язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг) и церковнославянский язык (русской редакции), последний рассматривается как язык, вышедший из старославянского и продолжающий его традиции и функции см. (Толстой, 2001). По мнению В. М. Живова, то, что во многих филологических исследованиях «именуется “церковнославянским”, с полным основанием могло бы называться древнерусским (или старорусским) литературным языком». Соответственно, «церковнославянизм» во многих исследованиях понимается «расширительно, скорее, как синоним “книжного” слова (противоположность “бытовому”, “разговорному”) – с акцентом не на функциональном, а на генетическом аспекте значения» (Живов, 1996, с. 61).

вянское, другое – русское, можно продолжить. Они могут дифференцироваться как по значению (церковнославянское слово имеет переносное и более абстрактное значение, а русское – более конкретное): *страна* : *сторона*; *глава* : *голова*; *оградить* : *огородить*; *откровенный* : *открытый*; *преступить* : *переступить*; *равный* : *ровный*; *чуждый* : *чужой*, так и по стилю (высокий у церковнославянизмов, нейтральный у исконно русских слов): *согбенный* : *согну-тый*; *хладный* : *холодный* и др. (Трубецкой, 1990, с. 121). В результате длительного взаимодействия древнерусского и церковнославянского языков русский язык унаследовал комплекс старославянских (церковнославянских) словообразовательных формантов (суффиксы *-тель*, *-тельн-*, *-ств(о)*, *-стви(е)*, *-ени(е)*, *-ость*, *-ейш(ий)*, суффиксы причастий, приставки *пре-*, *пред-*, *воз-/вос-*, *из-*, *чрез-*, *со-* и др.), а также некоторые модели словообразования (Ефимова, 2006; Копорская, 1988; Улуханов, 2004; Петрухина, 2012).

В основной части статьи мы рассмотрим роль словообразовательных формантов в размежевании значений близких по форме однокоренных слов, как разных по происхождению, так и двух церковнославянизмов, таких как *искупить*, *Искупитель/выкупить*; *Воскресение/воскресенье*; *Рождество/рождение*; *житие/житье*. Изучение и интерпретацию синхронных связей и отношений между языковыми единицами в современном русском языке мы проводим с учетом диахронических процессов. Данный языковой материал свидетельствует о том, что словообразовательные форманты способствуют разграничению церковного и мирского смыслов в однокоренных синонимах и тем самым сохраняют сакральное значение церковнославянизмов в русском языке – не только в церковном дискурсе, но и при любом употреблении.

Особое положение в этом ряду занимает пара слов *жизнь* – *живот*, сложная история которых в русском языке позволяет проследить взаимодействие их содержательных и функциональных изменений с общими языковыми процессами в определенные исторические периоды. Мы сочли возможным включить в данную статью небольшой раздел об особой исторической динамике слова *живот* в русском языке, пониманию которой способствует учет места церковнославянизмов в лексической и словообразовательной системе русского языка.

2. ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

История многих заимствований из церковнославянского языка в русском языке связана с их десакрализацией (Живов, 1996, с. 498). Под десакрализацией³ (от лат. *sacrum* – ‘священное’) понимают «обесценивание сакральных (священных)

---

³ Другой синонимичный термин – секуляризация (от лат. *saeculum* – ‘человеческий век, срок жизни, мирское состояние’) – обмирщение в контексте взаимодействия сакрального и профанного (мирского), движение от священного к светскому (*Новая философская энциклопедия*, 2001).

образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок» (Философия, 2004). Применительно к языку и лексике десакрализацию (или секуляризацию) можно охарактеризовать как устранение или затемнение в семантике слов компонентов, связанных с религией и сакральными смыслами. Как свидетельствуют результаты исследования в рамках научного проекта «Sacrum und Profanum» Института славистики берлинского университета имени В. Гумбольдта⁴ проводившегося в течение нескольких лет с 2009 г., десакрализация лексики в настоящий период проявляется прежде всего в переносе лексем из религиозного дискурса в светский для обозначения обыденных, мирских объектов обычно в метафорическом употреблении, см. также (Nagórko, <https://www.slawistik.hu-berlin.de/de/member/anagorko/poczucie-sacrum/>).

Языками-участниками проекта стали немецкий язык и языки граничащих с Германией славянских стран – чешский, словацкий и польский. В каждом языке по данным национальных корпусов были исследованы семантика и употребление аналогичных лексем, имеющих по крайней мере одно сакральное значение и при этом употребляющихся не только в религиозном, но и в светских дискурсах. Так, словацкими эквивалентами исходных немецких лексем стали такие слова, как *anjel*, *antikrist*, *apokalypsa*, *bičovať*, *boh*, *cirkev*, *diabol*, *duch*, *duša*, *hriech*, *ikona*, *krstiť*, *mučeník*, *obeť*, *oltár*, *viera*, *zázrak* и др. (<https://www2.hu-berlin.de/sacrumprofanum/d.xsl?lang=sk>).

В русском языке мы также наблюдаем процессы десакрализации подобных слов, сходные с описанными в названном выше исследовании. Например, по *Национальному корпусу русского языка*, далее (НКРЯ), легко установить, что у таких слов, как *алтарь*, *апокалипсис*, десакрализация связана с их переносным употреблением в публицистике: *Обмен эмигрантскими, часто ни на чем не основанными доводами, газетный апокалипсис и переливание из пустого в порожнее страшно ему надоело* (И. Толстой. Барин из Парижа, 2012). *Некогда Бертольд Брехт поведал миру историю старухи Кураж, паразитирующей на грязном теле войны и положившей на её алтарь всех своих детей* (О. Горькая. “Папаша Кураж” и его дети, 2000).

По толковым словарям русского языка можно проследить процесс развития многозначности у религиозной лексики, основанной на метафорическом или метонимическом переносе исходного значения. Так, если в Академическом четырехтомном словаре русского языка, изданном во второй половине XX в., лексема *икона* имеет лишь одно значение (‘живописное изображение бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ’) (Малый академический словарь, далее МАС, 1981 – 1984), то в Словаре Татьяны Фёдоровны Ефремовой кроме этого представлено еще два десакрализованных значения: ‘тот, кого боготворят, кого любят, перед кем преклоня-

---

⁴ <https://www2.hu-berlin.de/sacrumprofanum/>

ются»; ‘пиктограмма, обозначающая доступный пользователю объект (файл, диск и т. п.)’ (в информатике) (Ефремова, 2000).

Практически у всех русских аналогов немецких, польских, словацких и чешских лексем, исследованных в названном выше проекте «Sacrum und Profanum», развиты десакрализованные значения, даже у таких идентификаторов религиозной картины мира, как *Бог*, *дух* и *душа*, подробнее см. (Петрухина, 2014). Но есть группа употребительных церковнославянизмов, которые не допустили обмирщения своей семантики, благодаря наличию однокоренных синонимов. И в этом процессе разрешения конфликта между «духовным» и «мирским» значениями религиозной лексики в русском языке большую роль сыграли словообразовательные форманты, такие пары аффиксов, как *-tu(j)-e/-ть(j)-e*, *-ni(j)e/нь(j)e*, *-ств/-ений*, *ис(з)/вы-*.

3. «РАСЩЕПЛЕНИЕ» САКРАЛЬНОЙ И МИРСКОЙ СЕМАНТИКИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИНОНИМАХ

3.1 Житие – житье

Судя по материалам книги Татьяны Ивановны Вендиной, в старославянских и древнерусских текстах оба варианта – *житие* и *житье* – семантически и стилистически не различались (Вендина, 2007, с. 49 – 52). Это же подтверждает и *Словарь русского языка XI – XVII вв.*, далее (СлРЯ XI – XVII), в котором оба слова входят в одну словарную статью (с. 116). Но позднее сформировалось их размежевание, соответствующее корреляции славянизмов, маркирующих высокий стиль, и их русских нейтральных или разговорных вариантов. *Житие* – ‘повествование о жизни человека, признаваемого Русской Православной Церковью святым’: *жития святых*, *житие преп. Сергия Радонежского*, ср. также производное *житийный*: *житийная литература*. Спецификация семантики слова *житие* для номинации праведной жизни обусловило закрепление в русском языке «мирского» варианта со значением ‘обыденная, обычная жизнь’ – лексему *житьё*, которая вошла также в употребительную конструкцию *житьё-бытьё*. В НКРЯ частотность лексемы *житьё*, в том числе и в названной конструкции, составляет 4 314 словоупотреблений, а лексемы *житие* меньше – 3 676. Стилистические и семантические различия между церковнославянизмом *житие* и русизмом *житьё* в русском языке складывались постепенно. Интересно сравнить статистические данные по употреблению рассматриваемых слов в текстах XVIII и XIX вв. За период 1700 – 1800 гг. в текстах НКРЯ *житие* имеет 127 употреблений в 70 документах, а *житье* 73 употребления в 33 документах (в подкорпусе из 3 783 029 слов). В XIX в. соотносительная частотность этих двух слов меняется, более частотным становится *житье*: *житие* имеет 316 употреблений

в 128 документах, *житье* – 1 178 употреблений в 453 документах (на материале подкорпуса объемом 49 820 682 слов).

3.2 Воскресение – воскресенье

Связь слов *воскресение* и *воскресенье* более глубокая: общий день отдыха назван «*воскресеньем*» по евангельскому событию, которое произошло в первый день недели после субботы – по Воскресению Иисуса Христа (<https://foma.ru/den-rozhdeniya-voskresnogo-dnya.html>). Но эта связь в словарях русского языка не отмечается, несмотря на то что большая часть толковых словарей фиксирует основное значение слова *Воскресение* – «религиозное представление о возвращении к жизни Иисуса Христа», а в Семантическом словаре (т. 1) отмечено также «религиозное представление» о «возвращении душ умерших к вечной жизни» – *воскресение из мертвых*. В НКРЯ зафиксировано 12 562 случаев употребления номинации дня недели *воскресенье* и довольно высокая частотность *воскресения* – 4 125 употреблений, причем в основном в религиозном смысле. Переносные употребления в значении ‘возрождение’ занимают не более 20 %, например: *...Мы предлагаем читателям разбор обоих театральных стихотворений — об умирающем Петербурге и о надежде на его воскресение* (М. Л. Гаспаров. Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге, 2003). Фиксируется также неправильное написание в личных чатах номинации нерабочего дня недели, свидетельствующее об игнорировании участниками чата исходной сакральной лексемы (приблизительно 15 – 20 %): *Может быть, я пока не знаю, какие у меня планы на воскресение, давай поближе еще созвонимся?* (ICQ-переписка, 2006 – 2007).

3.3 Рождество – рождение

Абсолютно не подвергается десакрализации лексема *Рождество*. Большую роль в этом играет однокоренной нейтральный синоним с другим суффиксом – *рождение*. Все словари русского языка в толковании слова *Рождество* проявляют единство, представляя его значение приблизительно так, как в Толковом словаре русского языка (Ожегов – Шведова, 1990):

РОЖДЕСТВО: 1. Один из христианских (у православных – один из двенадцати основных) праздников в память рождения Иисуса Христа. 2. Само рождение Иисуса Христа. *Великое событие – рождество Христово*, а также: *Рождество Богородицы* – один из двенадцати основных православных праздников в память рождения девы Марии – матери Иисуса Христа (8/21 сентября).

Во всех контекстах НКРЯ *Рождество* употребляется в основном в этих значениях, причем с высокой частотностью (5 119 словоупотреблений).

3.4 Искупитель, искупить – выкупить

В выражении сакральной семантики слова *Искупитель* также большое значение имеет его словообразовательная структура и приставка *ис-*, являющаяся

маркером высокого стиля в большинстве случаев ее использования. Ср. корреляции глаголов с этой церковнославянской по происхождению приставкой, характерных для книжного стиля, и с исконно русской нейтральной приставкой *вы-*: *изгнать, излить, испить, испивать, изгладить, изнести, израстить, испросить, исполнить, искупить//выгнать, вылить, выпить, выгладить, вынести, вырастить, выпросить, выполнить, выкупить*.

У последних двух глаголов с корнем *-куп-* *искупить* и *выкупить* речь идет не только о стилистических, но и семантических различиях:

ИСКУПИТЬ: 1. Заслужить чем-л. прощение за что-л. *Ценою тяжелой **искупила** Она сомнения свои* (Лермонтов); 2. Возместить, сделать незаметным какой-л. недостаток. *Низкое качество кораблей судостроители пытались **искупить** множеством различных спасательных средств* (В. Кожевников).

ВЫКУПИТЬ: 1. Возвратив деньги, залог, получить обратно заложенное. *Вот можно будет и платье **выкупить***. (А. Островский); 2. Освободить кого-л., уплатив за него деньги. *Костылина только еще через месяц **выкупили** [из плена] за пять тысяч*. (Л. Толстой). 3. Прост. Скупить все без остатка. ***Выкупить** все товары* (МАС).

При этом имя деятеля образуется только от первого глагола с приставкой *ис-*: *искупитель*, которое во всех словарях русского языка толкуется сходным образом – ‘тот, кто, жертвуя собою, снимает с других вину, грех’. Словари не фиксируют основное значение данного слова, в котором оно употребляется в русском языке, – как номинации Иисуса Христа. В НКРЯ было обнаружено 158 текстов, в которых эта лексема была употреблена 264 раза, причем в словарном значении менее чем в 20 % употреблений, а в остальных текстах – в качестве одной из основных номинаций Иисуса Христа. Например:

*Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в **Искупителе** и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния»* (А. И. Осипов. Основы духовной жизни в Православии, 1992 – 2012).

Подобное расщепление значений и сохранение сакральности евангельских слов характерно среди славянских языков именно для русского языка с его богатым наследием, полученным от церковнославянского языка. Так, например, в словацком языке лексема *vykupitel'*, не имеющая однокоренного синонима, подвергается десакрализации наряду с другими подобными лексемами, в частности в спортивном дискурсе: ***Vykupitel'** Hološko: Ten gól som už potreboval ako sol' – Útočník slovenskej reprezentácie Filip Hološko dokonale zastúpil absentujúceho Róberta Vitteka, keď v 91. minúte rozhodol o výhre nad Macedónskom. Žolík **vykupitel'** – Róbert Železník strelil víťazný gól MFK* (Туроčeková, 2014).

Данную модель «расщепления» и распределения высокого и нейтрального (или обыденного) за двумя синонимичными лексемами при вхождении церковнославянизмов в русский язык подтверждает и другой языковой материал,

в частности такие пары слов, как *служение – служба, воинство – войско, уверовать – поверить, гордость/гордыня* и др. Первые слова в таких парах относятся к высокой лексике, что отмечается и в словарях, например ВОИНСТВО, -а, ср. (высок.) Войско, воины. *Русское воинство*. (Ожегов – Шведова, 1990). Отношения в синонимичной паре *гордость/гордыня* несколько иные: церковнославянское по происхождению слово *гордость* стало в русском языке нейтральным, утратив отрицательную в старославянском языке коннотацию, связанную с нарушением первой из заповедей блаженств («блаженны нищие духом»). Отрицательная оценка данной эмоции как непомерной и болезненной сосредоточилась в значении однокоренного производного синонима *гордыня* (Яковлева, 1998, с. 56).

3.5 Жизнь – живот

Особая история в русском языке у слова *живот* – по отношению к однокоренным лексемам *жизнь, житие (житье)*, синонимичным в старославянском и древнерусском языках (Колесов, 2007). Постепенно они семантически разошлись, особенно большие изменения претерпело слово *живот*. Истоки этих изменений надо искать в старославянском языке, а также в системном соотношении исконно русских слов и церковнославянизмов.

Уже в старославянском языке исследователи отмечают спецификацию названных однокоренных лексем. Представления о земной жизни в ее биологическом, физиологическом проявлении связаны прежде всего со словом *живот*⁵ (Вендина, 2007; Колесов, 2007). В *Полном церковнославянском словаре* его значение определяется как «органическое существование, бытие в союзе души и тела» (Дьяченко, 2013). Владимир Викторович Колесов считает слово *живот* самым древним словом из всего синонимического ряда (отметим, что это подтверждается данными других славянских языков) – им обозначается «биологическая форма существования, физическая возможность жить» (Колесов, 1999, с. 169). С земной жизнью в ее социальном аспекте связано уже упоминавшаяся лексема *житие*, которая, помимо значения ‘жизнь’, в старославянском имеет также значения ‘жилище’, ‘богатство’ (Вендина, 2007, с. 49). Лексема *жизнь* не имеет «в старославянском языке каких-либо лексико-семантических вариантов, указывающих на ее связь с биологической или социальной формой жизни», ее семантика наиболее абстрактна, поэтому именно эта лексема в древних текстах выражает жизнь как духовные искания человека (Вендина, 2007, с. 48).

---

⁵ При передаче церковнославянских текстов используем русский шрифт, как на сайте bible.m2ubC3, соответственно в тексте статьи при упоминании анализируемых слов употребляется форма *живот*, написание *животь* сохраняется лишь в цитатах из старославянских и древнерусских текстов и соответствующих словарей.

В *Словаре русского языка XI – XVII вв.* зафиксировано три основных значения этого слова: 1) физиологическое существование всего живого, 2) образ жизни, 3) имущество, состояние, совокупность жизненных благ⁶. Заметим, что первое значение иллюстрируется в Словаре примерами, не имеющими отношения к физиологии, например: «Днь славнь творити, яко **жизнь** явися, яко мъртъви вьскрьсоша, яко съмърть разорена быс<ть>» (Сл. Ио. Злат. Усп. сб. XII – XIII вв.). И остальные примеры на первое значение описывают не обычную жизнь человека, а сакральную, связанную с Богом, поэтому вечную, как и в выделенном отдельно в данной словарной статье словосочетании «жизнь вѣчная». Божественная сущность жизни представлена также (как языковым материалом, так и самими формулировками значений) в *Словаре Академии Российской* (1789 – 1794), причем не только в особом (под цифрой 5) значении слова *жизнь* – ‘будущее состояние по смерти’ (*блаженная, бесконечная жизнь*), но и в основном его значении – ‘состояние, в котором находится человек, когда душа его бывает с телом’ (там же, с. 1132). В процессе секуляризации русской языковой картины мира слово *жизнь* потеряло этот мировоззренческий (религиозный) смысл, что оказало влияние и на трактовку исторического материала в соответствующих современных словарях. Поэтому в *Словаре русского языка XVIII в.* (выпуск 7, издан в 1992 г.) значение ‘вечная жизнь’ не занимает уже отдельной позиции, сопровождается комментарием «по христианскому вероучению» и иллюстрируется лишь одним примером.

История слова *живот* в русском языке демонстрирует коренное изменение его семантики: от органичной ‘жизни’ («бытия в союзе души и тела»), через подавление духовной составляющей в таких значениях, как ‘животное’, ‘скот’ и ‘имущество’, к усилению физиологического компонента до его максимальной конкретизации в современном значении ‘живот, чрево’. Центральное же место в обозначении ЖИЗНИ вообще и разных ее аспектов в русском языке заняло слово *жизнь* со старославянским суффиксом *-нь*.

Т. И. Вендина отмечает в языке средневековой Руси многозначность лексем, входящих в семантическое поле ‘жизнь’. Так, у слова *живот* зафиксированы значения ‘жизнь’, ‘живое существо’, ‘животное’, ‘домашний скот’, ‘имущество, все что нажито’ (Вендина, 2007, с. 53), при этом современное значение этого слова для обозначения части тела не отмечается. Самое раннее употребление слова *живот* в этом значении, зафиксированное в *Словаре русского языка XI – XVII вв.*, относится к XVI в. (выпуск 5, 1978, с. 104). Павел Яковлевич Черных считает, что косвенным свидетельством позднего, не раньше XVI – XVII вв., появления у слова *живот* значения части тела служат факты рус-

---

⁶ Данное значение (‘имущество, совокупность жизненных благ’) в ходе исторических изменений семантической структуры данного слова было утрачено, как и у двух других анализируемых слов (семантику обладания в современном русском языке сохраняют однокоренные слова *нажить, наживать, пожитки*).

ского словообразования, а именно тот факт, что прилагательное, выражающее отношение к животу как к части тела, образовано от другого слова – *брюхо*, ср. *брюшной пресс*, *брюшная полость*, *брюшной тиф*. Производное же прилагательное *животный* имеет значение ‘физиологический, не контролируемый сознанием, разумом’: *животный страх*, *животная ненависть* (Черных, 1956, с. 165). О позднем появлении и распространении слова *живот* в современном его значении, по мнению В. В. Колесова, свидетельствует и тот факт, что еще в рукописях XVII века эту часть тела называли другие слова, в том числе и заимствованные, – помимо уже упомянутого *брюха*, также *чрево* и *стомах* (из латинского *stomachus* – ‘желудок’) (Колесов, 2007). При этом лексема *брюхо* в значении ‘чрево, живот’ в *Словаре Академии Российской* (1789 – 1794) представлена как стилистически нейтральное, общее для книжной и разговорной речи (Словарь АР, I, с. 362 – 363). Отметим также устойчивые сочетания *в утробе матери*, *внутриутробное развитие*.

Интересно, что в чешском языке основная для обозначения концепта ЖИЗНЬ лексема *život* в диахронии имела сходные с русской лексемой *живот* значения, рассмотренные выше. *Malý staročeský slovník* (1978) дает три значения этого слова: 1) ‘жизнь’: [Vlasta] všem mužóm na život odpovědě, zvésti život na též stopě; 2) ‘живот’: v život (в желудок, в живот); 3) ‘тело’: býti u čeho životem svým (‘лично присутствовать при чем-то’). Второе значение (как устаревшее) фиксирует также ряд других чешских словарей, например *Průručný slovník jazyka českého* (1935 – 1957): *Třeskla rána a strážník Bartoš se zhroutil střelen do života*. (К. Čapek); *Stála, ruce měla na životě sepiaté* (J. Š. Vaar). Данная семантика зафиксирована во фразеологическом сочетании *na lačný život* ‘на голодный желудок, натошак’ (современный вариант: *na lačný žaludek*), в производной лексеме *živůtek* – ‘корсет’. Данное значение (‘часть человеческого тела от груди до паха, живот’) лексемы *život* в диахронии отмечается также в (*Slovník spisovného jazyka českého*; Holub – Кореčný, 1952; *Чешско-русский словарь*, 1976)⁷.

Таким образом, даже такой небольшой чешский материал свидетельствует о сходных семантических процессах в данной концептуальной области в диахронии не только в русском, но и других славянских языках. Кардинальные различия могут быть связаны с тем, что в русском языке на историю семантики слов *живот* – *жизнь* повлияло тесное и длительное взаимодействие с церковнославянским языком и соответственно общие эволюционные процессы, характерные для церковнославянизмов (здесь имеется в виду явный по происхождению и словообразовательной структуре церковнославянизм – лексема *жизнь*). Как уже говорилось выше, за церковнославянизмами в русском языке закрепляются особые функции: выражение возвышенного и обобщенного со-

---

⁷ Словарные статьи лексемы *život* в чешских словарях с важной для данной статьи точки зрения проанализировал Д. К. Поляков (Поляков, в печати).

держания, нередко противопоставленного конкретной и обиденной семантике соответствующих исконно русских слов (Успенский, 1994, с. 118).

Размежевание значений трех синонимичных слов в русском языке завершилось полной победой слова *жизнь*, которое, вобрав в себя «жизненную» семантику лексем *живот* и *житие*, выражает все аспекты понимания и интерпретации данного процесса современным языковым сообществом. Произошла своего рода абстрактивизация значения этого слова, его обобщение до обозначения фундаментальных процессов в природе и обществе и семантики бытия. Память о различиях в семантике слов *живот*, *житие*, *жизнь* хранит русское словообразование. «Первоначальная дробность значений» рассматриваемых имен существительных подтверждается, по мнению В. В. Колесова, такими образованными от них прилагательными, как *жизненная (идея)*, *житейское (дело)*, *животная (злоба)*, – «трудно переставить местами эти прилагательные!» (Колесов, 2007).

Итак, история однокоренных слов *живот*, *жизнь*, *житие*, *житье* в русском языке отражает как общие диахронные процессы, характерные для взаимодействия церковнославянского и древнерусского языков, так и совершенно индивидуальные изменения семантики данных слов. Ослабление духовной составляющей и усиление физиологического аспекта в семантике слова *живот* (изначально, как уже было сказано, в текстах древнерусской письменности синонимичного слову *жизнь*) привело его к переходу в «новую смысловую область», соотнесенную с новым денотатом – частью тела, животом. Одновременно укрепились позиции церковнославянизма *жизнь*, который, вытеснив остальные некогда синонимичные ему слова из соответствующей концептуальной области, расширил и усложнил свою семантическую структуру и сферу употребления (подробнее см. Петрухина, 2015).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, словообразовательная структура рассмотренных русских слов имеет «историческую память» (Трубачев, 1998), или «культурную память» (Яковлева, 1998), связанную с культурно-исторической мотивацией их семантики. Учет исторических процессов позволяет объяснить синхронные связи и отношения в словообразовательной системе и проследить диахронную динамику формирования мотивационного значения. Конфликт между «светским» и «духовным» составляющими некоторых церковнославянизмов в истории русского языка был погашен благодаря развитию синонимии однокоренных слов, большую роль в этом процессе сыграли словообразовательные форманты.

Анализ толкований в словарях русского языка евангельских слов, а также их употребления в текстах НКРЯ (вне религиозного дискурса) свидетельствует

об ослаблении или утрате мировоззренческой составляющей их значения – об их десакрализации, которая может быть выражена в разной степени. При этом христианский религиозный дискурс сохраняет семантику сакральных слов и конструкций в неизменном виде, и все соответствующие выражения надо понимать буквально, во всей полноте их христианского смысла.

Наше исследование показало, что расщепление священной и мирской семантики в парах однокоренных слов при поддержке соответствующих формантов препятствует десакрализации таких слов, как *Рождество*, *воскресение*, *житие*, *Искупитель*. Можно назвать и другие словообразовательные аффиксы церковнославянского происхождения, способствующие сохранению высокого стиля религиозной лексики и препятствующие в русском языке ее десакрализации и стилевому понижению, например приставки *пре-*, *вос-/воз-*, *со-*, *ис-*: *Пресвятая*, *Пречистая*, *Преподобная* (о Богородице), *восходить*, *вознести*, *вознести*, *возлюбить*, *сотворец*, *сотрудник*, *излить*, *испить* и многие другие.

Библиография

ВЕНДИНА, Татьяна Ивановна: Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. Москва: Институт славяноведения РАН 2007. 336 с.

ВИНОГРАДОВ, Виктор Владимирович: История слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Толк 1994. 1138 с.

ВИНОКУР, Григорий Осипович: О славянизмах в современном русском литературном языке. In: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз 1959, с. 443 – 459.

ВИНОКУР, Григорий Осипович: Заметки по русскому словообразованию. In: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз 1959, с. 419 – 442.

ЕФИМОВА, Валерия Сергеевна: Старославянская словообразовательная морфемика. Москва: Институт славяноведения РАН 2006. 365 с.

ЖИВОВ, Виктор Маркович: Язык и культура в России XVIII века. Москва: Школа «Языки русской культуры» 1996. 591 с.

ИПАНОВА, Ольга Александровна: Жизнь. In: Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика – И. А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма 2005, с. 146 – 166. URL: <http://lincon.narod.ru/antology.htm>.

КАМЧАТНОВ, Александр Михайлович: Лжеименное словообразование. In: Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького, № 3, 2013, с. 22 – 32.

КОЗЕЛЛЕК, Райнхарт: Социальная история и история понятий. In: Исторические понятия и политические идеи в России XVI – XX века. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя» 2006, с. 33 – 53.

КОЛЕСОВ, Владимир Викторович: История русского языка в рассказах. Санкт-Петербург: Азбука-Классика 2007. 224 с.

КОЛЕСОВ, Владимир Викторович: Слова литературного языка в диалектной речи. Жизнь. In: Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета 2007, с. 625 – 693.

КОЛЕСОВ, Владимир Викторович: Жизнь происходит от слова. Санкт-Петербург: Златоуст 1999. 368 с.

КОПОРСКАЯ, Елена Сергеевна: Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. Москва: «Наука» 1988. 232 с.

Новая философская энциклопедия. Ред. Степин В. С. В 4 тт. Москва: Мысль 2001.

ПЕТРУХИНА, Елена Васильевна: Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе. In: Вопросы когнитивной лингвистики, 2012, № 3, с. 12 – 22.

ПЕТРУХИНА, Елена Васильевна: Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке (в сопоставлении с сербским языком). In: Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Београд: Филолошки факултет 2012, с. 271 – 287.

ПЕТРУХИНА, Елена Васильевна: История слов живот, жизнь, житие и концепт ‘жизнь’ в русском языке. In: Когнитивные исследования языка. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. Том 23, 2015, с. 325 – 341.

ПОЛЯКОВ, Дмитрий Кириллович: Славянские *žiznъ, *životъ, *žiteje в их семантических и словообразовательных связях. (В печати)

СЕЛИН, Георгий: И весь живот наш Христу Богу предадим. In: Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви. Москва: Русский Хронограф 2012, с. 111 – 121.

ТОЛСТОЙ, Никита Ильич: Предисловие. In: Плетнева, А. А. – Кравецкий, А. Г.: Церковнославянский язык. Москва: Просвещение 2001, с. 3 – 9.

ТРУБАЧЕВ, Олег Николаевич: Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду. Вопросы языкознания 1998, № 3, с. 3 – 25.

ТРУБЕЦКОЙ, Николай Сергеевич: Общеславянский элемент в русской культуре. In: Вопросы языкознания, 1990, № 2 – 3, с. 122 – 139.

УЛУХАНОВ, Игорь Степанович: Славянизмы в русском языке. Москва: Управление Технологиейми 2004. 267 с.

УЛУХАНОВ, Игорь Степанович: Мотивация в словообразовательной системе русского языка. Москва: Азбуковник 2005. 311 с.

Философия: Энциклопедический словарь. Ред. А. А. Ивин. Москва: Гардарики 2004. 1072 с.

ЧЕРНЫХ, Павел Яковлевич: Очерк русской исторической лексикологии. Москва: Издательство МГУ 1956. 243 с.

ЯКОВЛЕВА, Екатерина Сергеевна: О понятии «культурная память» в применении к семантике слова. In: Вопросы языкознания, 1998, № 3, с. 43 – 49.

BUZÁSSYOVÁ, Klára: Dinamika v slovoobrazovanii (diachronnyj i sinchronnyj aspekt). In: Neue Wege der slawistischen Wortbildungsforschung. 2. Tagung der Internationaler Kommission für slawische Wortbildung. 9. – 11. 10. 1997 Magdeburg. Red. R. Belentschikow. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag der Wissenschaften 1999, s. 217 – 225.

BUZÁSSYOVÁ, Klára: Z vývinových tendencií a zmien súčasnej slovenčiny. In: Studia Academica Slovaca. Separát. Red. J. Mlacek. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského 2000, s. 300 – 309.

BUZÁSSYOVÁ, Klára: Tendencia k internacionalizácii v českem a slovenskom tvorení slov. In: Słowotwórstwo/Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Red. naukowy I. Ohnheiser. Universität Innsbruck – Institut für Slawistik, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej 2003, s. 152 – 159.

HORECKÝ, Ján – BUZÁSSYOVÁ, Klára – BOSÁK, Ján et al.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV 1989. 440 s.

NAGÓRKO, Alicja: Czy grozi nam zanik poczucia sacrum? Sekularyzacja polszczyzny na tle języków sąsiadów. Dostępny na: <https://www.slawistik.hu-berlin.de/de/member/anagorko/poczucie-sacrum/>.

TUROČEKOVÁ, Monika: Vyjadrovanie emócií prostredníctvom náboženských obrazov v sekulárnom disкурze. In: Sprachliche Säkularisierung. Semantik und Pragmatik. Red. L. A. Mini-szewska. Slawistische Forschungen und Texte. B. 20. 2014, s. 403 – 413.

Словари

ДЬЯЧЕНКО, Григорий: Полный церковнославянский словарь. Москва: 2013. Доступен на: http://www.slavdict.narod.ru/_0184.htm.

ЕФРЕМОВА, Татьяна Федоровна: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык 2000. 2310 с.

ОЖЕГОВ, Сергей Иванович – ШВЕДОВА, Наталья Юльевна: Толковый словарь русского языка. В 2 томах. Москва: Русский язык 1990.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1 – 4. Москва: Азбуковник 1998 – 2007.

Словарь Академии Российской (1789 – 1794). Доступен на: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR.htm>.

Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 5. Москва: «Наука» 1978. 395 с.

Словарь русского языка XVIII века. (Древо – Залесь). Е–Зинутие Выпуск 7. Санкт-Петербург: «Наука» 1992. 264 с.

Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС): в 4 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2 изд. Москва: Русский язык 1981 – 1984.

СРЕЗНЕВСКИЙ, Измаил Иванович: Материалы для словаря древнерусского языка. Москва: Языки славянских культур 2003.

Чешско-русский словарь. Под ред. Л. В. Копецкого – Й. Филиппа. Т. 2. Прага: Státní pedagogické nakladatelství 1976.

HOLUB, Josef – KOPEČNÝ, František: Etymologický slovník jazyka českého. 3., přeprac. vyd. Praha: Státní nakladatelství učebnic 1952. 576 s.

MACHEK, Václav: Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Československá akademie věd 1957. 628 s.

Mluvnice češtiny. 1. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Praha: Academia 1986. 568 s.

BĚLIČ, Jaromír – KAMIŠ, Adolf – KUČERA, Karel: Malý staročeský slovník. Praha 1978. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz>.

Příruční slovník jazyka českého. Hl. red. O. Hujer – E. Smetánka – M. Weingart – B. Havránek – V. Šmilauer – A. Ziskal. Praha, 1935 – 1957. URL: <http://bara.ujc.cas.cz/psjc>.

Slovník spisovného jazyka českého. Hl. red. B. Havránek. Praha, 1960 – 1971. URL: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc>.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. 4. vyd. Praha: Academia 2006. 648 s.

Электронные ресурсы

Национальный корпус русского языка общим объемом 600 мл слов. Доступен на: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Электронный ресурс исследования «Sacrum und Profanum» Института славистики берлинского университета имени В. Гумбольдта. Доступен на: <https://www2.hu-berlin.de/sacrumprofanum/>
<https://www2.hu-berlin.de/sacrumprofanum/>.